

СОМНЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ

Аннотация. Предложения, включающие маркеры сомнения, рассматриваются в статье с точки зрения их положения на семантической оси «утверждение/отрицание». Как представитель зоны отрицательных значений сомнение может быть противопоставлено собственно предположению. В сопряженности с системой значений утверждения/отрицания предположение и сомнение противостоят друг другу как положительная (предположение) и отрицательная (сомнение) оценка вероятности изображаемого.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, семантика, утверждение/отрицание, сомнение, предположение.

Abstract. Sentences including the markers of doubt are considered in the article from the point of view of their position on the semantic axis “affirmation/negation”. As a representative of the zone of negative meanings doubt can be contrasted with supposition itself. Being together with the system of meanings of affirmation/negation, supposition and doubt contrast with one another as an affirmative (supposition) and negative (doubt) evaluation of the probability of the represented.

Keywords: the Russian language, syntax, semantics, affirmation/negation, doubt, supposition.

Значение сомнения выражается в повествовательных предложениях, включающих в свой состав субъективно-модальные частицы *вряд ли* (*вряд*, *навряд*, *навряд ли*) и *едва ли*. Ср.: *И точно, такую панораму **вряд ли** где удасться мне видеть* (М. Лермонтов); *Душою мы друг другу чужды, Да **вряд ли** есть родство души* (М. Лермонтов); *Люблю их ножки; только **вряд** Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног* (А. Пушкин); *Доля ты – русская долюшка женская! **Вряд ли** труднее сыскать* (Н. Некрасов); *...Но отослать его к отцам **Едва ль** приятно будет вам* (А. Пушкин); *Но луч луны, по влаге зыбкой Слегка играющий порой, **Едва ль** сравнится с той улыбкой, Как жизнь, как молодость, живой* (М. Лермонтов).

Сомнение, недоверие к сказанному собеседником может быть выражено средствами не только повествовательного, но и вопросительного предложения, ср.: *Возможно ли, было ли это?* (П. Верлен) (эпиграф к стихотворению Б. Пастернака «До всего этого была зима»); [Гражданин:] *Не очень лестный приговор. **Но твой ли он? тобой ли сказан?*** (Н. Некрасов);

– *Вы напрасно боялись! Они все прескучные...*

– *Все! **Неужели все?***

*Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и, наконец, произнесла решительно: **все!***

– *Даже мой друг Грушницкий?*

– *А он ваш друг?* – сказала она, показывая некоторое сомнение (М. Лермонтов).

Вопросительные предложения располагают большими возможностями для реализации сомнения, имеют ряд специфических особенностей в выра-

жении этого значения по сравнению с сомнениями-констатациями и поэтому требуют специального исследования. В данной статье будут рассматриваться только повествовательные предложения, предназначенные для выражения сомнения.

Сомнение является представителем того аспекта модальных отношений, который традиционно обозначается как субъективная модальность (в других терминах – предположительная, эпистемическая, персуазивная модальность, модальность недоверности). Это значение представляет интерес как с точки зрения его соотносительности со сферой предположительной модальности, так и с областью значений категории утверждения/отрицания.

Значение сомнения в систему отношений утверждения/отрицания было введено О. Есперсеном. В концепции О. Есперсена сфера отношений утверждения/отрицания представлена в виде тройного противопоставления:

А – утверждение (Positiv «положительная степень»);

В – сомнение (Questionabl «сомнительная степень»);

С – отрицание (Negativ «отрицательная степень») [1, с. 376].

В этой системе сомнение выступает в качестве средней, промежуточной, ступени между утверждением и отрицанием, вопреки положениям классической логики, категорически отвергающей возможность чего-либо третьего в данной оппозиции.

Комментируя взгляды О. Есперсена, Е. И. Шендельс [2] отмечает, что в его трактовке утверждение/отрицание предстает как категория, активно взаимодействующая с субъективной модальностью. Утверждение и отрицание предполагают абсолютную уверенность: первое – в наличии, второе – в отсутствии чего-либо. Среднее звено (В) выражает неуверенность и в равной степени противопоставлено как утверждению, так и отрицанию.

В современных исследованиях, посвященных данному вопросу, между полярно противопоставленными значениями утверждения и отрицания отмечается значительно большее количество переходных случаев, чем в системе тройного противопоставления О. Есперсена. Ср.: «Он болен. – Он, конечно, болен. – Он, наверно, болен. – Он словно болен. – Он, чай, болен. – Он вряд ли болен. – Он не болен» [3, с. 33], при этом предложения с семантикой сомнения размещаются не на серединной, а на отрицательной части шкалы утверждения/отрицания, в непосредственной близости от ее отрицательного полюса. Так, по мнению И. А. Нагорного, предложения с *вряд ли* и *едва ли* «находятся на отрезке между смысловыми полюсами утверждения и отрицания, значительно приближаясь к последнему» [4, с. 95].

Действительно, несмотря на отсутствие показателей отрицания в структуре предложения, по значению это «почти отрицательные предложения» [5, с. 44]. В предложениях с *вряд ли* и *едва ли* высказывается предположение об отсутствии того, что обозначено в предложении, в реальной действительности. Наиболее адекватно смысл предложений с маркерами сомнения может быть представлен с помощью грамматически отрицательных предложений, включающих показатели предположительной модальности. Ср.: *Он вряд ли повторит этот результат* ('по всей видимости, не повторит'); *Вряд ли я решусь произнести эти мысли вслух* ('наверное, не решусь...'); *Он едва ли помнит своего отца* ('скорее всего не помнит...').

Отрицая возможность взаимодействия субъективной модальности и утверждения/отрицания, Е. И. Шендельс указывает: «Присоединение языковых

средств, выражающих сомнение, не меняет позитивного или негативного характера предложения, модифицируя лишь его модальную окраску» [2, с. 127]. Указанное положение можно признать справедливым по отношению к вводно-модальным словам типа *может быть, наверное* и модально-предположительным частицам (*чай, авось, небось, вроде* и т.п.), которые изменяют лишь модальный статус высказывания, оставляя неизменным его утвердительный или отрицательный характер, ср.: *Он согласится на это предложение. – Возможно, он согласится на это предложение. – Он не согласится на это предложение. – Он, наверное, не согласится на это предложение.* Включение частиц *вряд ли* и *едва ли* в состав предложения коренным образом изменяет его положение на оси «утверждение/отрицание», ср.: *Он согласится на это предложение. – Он вряд ли согласится на это предложение.* Показатель сомнения не является факультативным компонентом в структуре предложения. При его изъятии основной смысл высказывания оказывается искаженным, ср.: *Он заслуживает снисхождения. – Он вряд ли заслуживает снисхождения.*

Совершенно очевидно, что при рассмотрении круга вопросов, связанных с семантикой сомнения, следует учитывать контекст употребления данного термина. Как и ряд других лингвистических терминов, этот термин неоднозначен. Во многих работах, в том числе в [2], понятия «сомнение», «предположение», «неуверенность» сближаются и употребляются в одном ряду как однородные, весьма близкие по смысловому содержанию (см., например, [6, с. 730; 7, с. 101]). Мы исходим из более узкого понимания сомнения как одной из частных разновидностей предположительной модальности, отграничивая его от собственно предположения, маркерами которого служат вводно-модальные слова типа *вероятно* и субъективно-модальные частицы (*чай, небось, авось, будто, как будто* и т.п.). Ср.: *Быть может, это все пустое, Обман неопытной души! И суждено совсем иное...* (А. Пушкин); *Говорит старик своей старухе: «Здравствуй, барыня-сударыня дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна»* (А. Пушкин); *Он нашел работу, где неплохо платили..., встретил будущую жену и, кажется, полюбил ее, что ли...* (Т. Устинова). В связи с тем, что термин «предположение» сохраняется и как широкое, родовое понятие, предположение и сомнение соотносятся как общее и частное с одной стороны и как два самостоятельных, несимметрично противопоставленных друг другу подзначения предположительной (гипотетической) модальности – с другой. Таким образом, вопрос о статусе сомнения в оппозиции «утверждение/отрицание» неразрывно связан с проблемой соотношения двух частных разновидностей предположительной модальности – собственно предположения и сомнения, с выяснением взаимоотношения этих значений, рассматриваемых в их сопряженности с системой значений утверждения/отрицания.

В рамках гипотетической модальности предположение и сомнение соотносятся как «прямое» и «обратное» предположение: в предложениях с семантикой сомнения предположение об отсутствии обозначенного в предложении действия, явления, признака передается формой грамматически утвердительного предложения: *Вряд ли P = 'скорее всего не-P'*.

Конструкции со значением сомнения и конструкции со значением предположения находятся по одну сторону модальной шкалы степени достоверности, составляя тип высказываний-гипотез, содержащих вероятностное

суждение. В проекции на шкалу отношений утверждения/отрицания значения этих конструкций в известной степени поляризуются. Утверждение/отрицание выступает в данном случае как категория модального плана высказывания, активно взаимодействующая с субъективно-модальным значением предположения (гипотетической модальностью).

Область значений предположительной модальности тесно соприкасается с областью значений утверждения/отрицания. Высказываемое в предложении мнение-предположение касается бытия/небытия объекта в мире действительности. С другой стороны, в составе высказываний-гипотез категория утверждения/отрицания участвует в соотношении высказываемого с действительностью, мыслимого с реальным.

Высказывания-гипотезы, не имеющие пресуппозиции достоверности, характеризуются отсутствием полной уверенности говорящего в сообщаемом. В условиях недостоверности наличие или отсутствие чего-либо не имеет статуса непреложного факта и рассматривается лишь как возможное (вероятное), а не как действительно имеющее место (реальное). В связи с этим утверждение и отрицание, реализуемые в условиях гипотетической модальности, не достигают полноты и силы утверждения и отрицания, реализуемых в условиях достоверности высказываемого. Операторы гипотетической модальности, варьирующие семантику высказывания по линии «уверенность/неуверенность» («вполне очевидное» их свойство), одновременно выступают в роли средств, градуирующих степень полноты высказываемого при этом утверждения или отрицания («менее очевидное» их свойство).

Для описания сферы смыслов утверждения и отрицания, осуществляемого в условиях гипотетической модальности, мы используем понятия «слабое утверждение» и «слабое отрицание». Предположение и сомнение в их соотношенности со сферой значений категории утверждения/отрицания могут быть противопоставлены друг другу как «слабое» (= модально ослабленное), сопряженное с неполной уверенностью, утверждение и отрицание.

Слабое утверждение (прямое предположение) и слабое отрицание (сомнение) противопоставляются как нейтральному, так и модально усиленному утверждению и отрицанию. Статус нейтрального имеют утверждение и отрицание в предложениях-констатациях, репрезентирующих факт наличия или отсутствия какого-либо явления в действительности. Категорическое, модально усиленное утверждение/отрицание реализуется в предложениях, содержащих показатели уверенности типа *конечно*: *Конечно, вы не раз видали Уездной барышни альбом...* (А. Пушкин); *Я в деле собственном моем, Конечно, не судья* (Н. Некрасов).

В области онтологических смыслов категории утверждения/отрицания предположение и сомнение соотносятся как слабый, немаркированный (предположение) и сильный, маркированный (сомнение) члены противопоставления. Предложения с маркерами предположительности могут иметь любое значение (и утвердительное, и отрицательное). В соответствии с грамматическими признаками конструкции они могут заключать в себе как позитивное (предположение о наличии), так и негативное (предположение об отсутствии описываемого предложением явления, ситуации, положения дел в объективной действительности) содержание. Ср.: *...И может быть – на мой закят печальный Блеснет любовь улыбкою прощальной* (А. Пушкин); *Наверно, я погиб...* (В. Высоцкий); *«Ну, баба, кажется, крепколобая!» – подумал про*

себя Чичиков (Н. Гоголь) – позитивное предположение: ‘возможно, P ’; *Быть может, не достало сил Или мой труд не нужен был...*, *Но жизнь напрасно я убил...* (Н. Некрасов); *Обед, как видно, не составлял у Ноздрева главного в жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось* (Н. Гоголь); *Полицеймейстер, кажется, не любил жалеть вина; тостам не было числа* (Н. Гоголь) – негативное предположение: ‘возможно, не- P ’. Симметрично противопоставленные на оси «утверждение/отрицание», положительно-предположительные и отрицательно-предположительные конструкции образуют смысловую коррелятивную пару по признаку «утвердительность/отрицательность», занимая область значений, промежуточных между утверждением и отрицанием.

В предложениях с частицами *вряд ли* и *едва ли* высказывается предположение об отсутствии обозначенного в предложении явления, мнение о невозможности его наличия (бытия, существования) в объективной действительности, т.е. в семантическом отношении они однозначно отрицательны: *Вряд ли вам удастся вызвать его на разговор, слишком уж он недоверчив*; *Остатков зарплаты едва ли хватит до конца месяца* (‘По-видимому, не удастся’; ‘...не хватит’). В этом плане (речь идет о пропозициональном компоненте семантики) они сопоставимы с предположительными конструкциями, выражающими негативное предположение. Так, высказывания типа *Едва ли мы успеем* и *Наверное, мы не успеем* передают весьма близкую информацию о положении дел относительно реальной действительности. Однако степень уверенности говорящего в том, что в реальной действительности имеет место не- P , при выражении сомнения существенно выше, чем при выражении негативного предположения. В силу этого предложения с маркерами сомнения более близки к отрицательному полюсу («в большей степени отрицательны»), нежели предложения, содержащие прямое негативное предположение.

Принципиальное различие предположительных конструкций и конструкций, предназначенных для выражения сомнения, состоит в характере не дескриптивного, а модально-оценочного компонента их семантики. Сомнение (= «обратное предположение») является прямой антитезой предположению (= «прямому предположению») в сфере модально-оценочных (верификативных) смыслов категории утверждения/отрицания: предположительные высказывания и высказывания-сомнения противопоставлены друг другу положительностью/отрицательностью модальных коннотаций сообщаемого.

При выражении прямого предположения вероятность описываемого предложением определяется индивидуальной семантикой вводно-модальных слов и частиц и колеблется в весьма широком диапазоне (ср.: *Он, может быть, придет. – Он, наверное, придет. – Он, по-видимому, придет* и т.д.), однако в целом оценивается говорящим положительно: *Возможно, P (не- P)* = ‘Думаю (полагаю), что P (не- P) имеет место в действительности’. Как более вероятная, «имеющая больше шансов на подтверждение», рассматривается альтернатива, получающая эксплицитное выражение.

В предложениях, выражающих сомнение, эксплицитно представленная положительная альтернатива расценивается как маловероятная, практически не имеющая шансов на подтверждение, т.е. вероятность наличия (бытия, существования) описываемого предложением в объективной действительности оценивается говорящим отрицательно: *Вряд ли P* = ‘Думаю (полагаю), что P не имеет места в действительности’.

Вероятность P , расцениваемая крайне низко, «стремится к нулю» и почти полностью исключается (отвергается) говорящим. Малая вероятность P в ее преломлении на возможность обратного означает максимально высокую степень вероятности не- P («Скорее всего не- P ») (зависимость обратно-пропорциональная). Ср.: «Едва, в *едва ли P*, указывает, что ситуация P представляется говорящему сомнительной или маловероятной по сравнению с не- P » [8, с. 19]. Таким образом, основу сомнения составляет отрицательная оценка вероятности бытия, наличия описываемого предложением положения дел в объективной действительности.

Общий отрицательный смысл высказываемого при выражении сомнения («По всей вероятности, не- P ») – вклад модусной составляющей в семантику высказывания, результат взаимодействия его модусных и диктумных смыслов. Высказывания, содержащие сомнение (*вряд ли P*, *едва ли P*), имеют смысл «**Не думаю**, что P (имеет место в действительности)», что равносильно «**Думаю**, что P **не имеет места** в действительности» (в подтверждение положения о противоположности диктума для модусных смыслов). При выражении прямого предположения отрицание – компонент диктумных смыслов, получающий выражение на поверхностно-синтаксическом уровне высказывания, ср.: *Вероятно, он не придет* = «**Думаю**, что он не придет» ($\neq$ «**Не думаю**, что он придет»).

Предложения с маркерами предположительности и предложения с маркерами сомнения имеют различия и в плане коммуникативной направленности высказывания: с точки зрения положительной (конструктивной) или негативной (деструктивной) его установки. По характеру иллокуции предположительные высказывания могут быть определены как ослабленное утверждение (о наличии или отсутствии чего-либо). Приоритетная задача высказываний, реализующих сомнение, – выявление отрицательного отношения к реальности представленной в предложении ситуации, негативная оценка возможности ее наличия в объективной действительности.

Таким образом, если трактовать утверждение и отрицание в единстве с их модальными и иллокутивными смыслами, принимая во внимание модусный компонент их семантики, то предположение и сомнение могут быть противопоставлены друг другу как положительная оценка возможности (вероятности) изображаемого в предложении («предположение») или ее отрицательная оценка («сомнение»). В итоге категория утверждения/отрицания при ее пересечении с гипотетической модальностью может быть представлена как четырехэлементное множество:

- A – утверждение
- B – предположение
- C – сомнение
- D – отрицание.

Средние члены парадигмы (B, C) можно рассматривать как результат градации каждого из противочленов оппозиции «утверждение/отрицание» в сторону его ослабления. Необходимо подчеркнуть, что собственно предположение (прямое предположение) и сомнение (обратное предположение) связываются с областью противоположных значений в сфере модальных (верификативных) смыслов категории утверждения/отрицания – как положительная (предположение) и отрицательная (сомнение) оценка вероятности наличия в объективной действительности (= реальности) того, что изображается в предложении.

Указанная схема содержит лишь узловые пункты. Оппозиция «слабое утверждение/слабое отрицание» реализуется в целом ряде оттенков, обусловленных конкретной семантикой модальных слов и частиц – операторов гипотетической модальности (различные варианты шкалы, показывающей взаимодействие субъективной модальности и утверждения/отрицания, см. в работах [9, с. 222–223; 10, с. 174] и др.). Заметим, что градуальная шкала такого рода есть не что иное, как шкала переходности между полярно противопоставленными членами оппозиции «утверждение/отрицание», соединенными между собой через звенья слабого утверждения и слабого отрицания.

В системе отношений утверждения/отрицания сомнение занимает зону значений, предельно близких к области полного отрицания (не случайно сомнение имеет ряд оттенков, ведущих к прямому, полному отрицанию, см. [4]). Отрицание, осуществляемое при высказывании сомнения, определяется как «слабое» лишь по отношению к нейтральному (= полному) отрицанию, реализуемому на фоне достоверности высказываемого. В своем абсолютном выражении это практически полное отрицание, что обусловлено высокой степенью уверенности говорящего в том, что описываемое предложением положение дел не имеет места в действительности.

Неполная уверенность имеет различные градации. В типе высказываний-сомнений степень уверенности говорящего в неосуществлении действия и, соответственно, вероятность не-*P*, не уравнивается сколько-нибудь значительной вероятностью обратного (вероятностью *P*), несоразмерно высока. Это почти полная уверенность в том, что в реальной действительности положение дел *P* не имеет места («уверенность в обратном»): «Скорее всего не-*P*, хотя не факт, что не-*P*». Ср.: *С такими родственниками вряд ли у Михаила (Пореченкова – А. К.) будут проблемы в кино, хотя не факт* (Собеседник. – 2008. – № 35). Высокая степень вероятности не-*P* – результат того, что, высказывая сомнение, говорящий, как правило, располагает необходимой информацией или чувственными данными, свидетельствующими не в пользу *P*, т.е. имеет для своего сомнения необходимую опору в самой действительности.

Таким образом, в структуре сомнения содержится очень важный для этого типа значения семантический компонент – «почти полная уверенность в обратном». Дальнейшее развитие этого компонента («полная уверенность в обратном») связано с изменением типа высказывания и типа речевого акта. Это наблюдается при использовании высказываний-сомнений в качестве средства обратной констатации, как правило, в контексте иронии. Ср.: *И правильно, резкая смена настроений для часов губительна: оный предмет роскоши стоит много дороже нового платья, и, если бы он каждый сезон выходил из моды, едва ли бы это понравилось его обладателю* (Домовой. – 2002. – 4 сентября) – НКРЯ («разумеется, не понравилось бы»); *Бывают, например, кризисы перепроизводства – к нынешней России это едва ли относится* (Время МН. – 2003. – 2 августа) – НКРЯ («наверняка не относится»); *Понятно, что в числе предприятий, которые могут быть деприватизированы таким способом, вряд ли окажется хоть одна парикмахерская или прачечная* (Совершенно секретно. – 2003. – 9 августа) – НКРЯ («абсолютно точно, что не окажется»; «естественно, не окажется»). По форме высказывание остается в ранге гипотезы, что не согласуется с демонстрируемой при этом абсолютной уверенностью говорящего в невозможности обозначенной в предложении по-

зитивной альтернативы. Таким образом, в форме предположения обратного фактически содержится уверенная констатация обратного и, соответственно, высказывается уже не ослабленное, а полное, безусловное, сопряженное с уверенностью, отрицание.

Как тип значений, предельно близких к полному отрицанию, сомнение не имеет «противовеса» (смыслового коррелята) на соответствующем участке положительных значений шкалы утверждения/отрицания – отрицательного по грамматической форме обратно-предположительного высказывания, реализующего значение «почти полного утверждения». Предложения с частицей *едва ли* сопоставимы с конструкциями, включающими структурный коррелят *едва ли* – частицу *едва ли не*. Ср.: ...*Онегин сохнет – и едва ль Уж не чахоткою страдает* (А. Пушкин); *История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление* (М. Лермонтов); *Подошедши к окну, он начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью* (Н. Гоголь). Будучи отрицательными по форме (грамматическому оформлению), предложения с *едва ли не* имеют в целом положительное значение. «Едва, в *X* едва ли не *P*, указывает, что говорящий, отдавая себе отчет в том, что имеет место не-*P*, склонен квалифицировать ситуацию или ее отдельные составляющие как приближающиеся к *P* по своим свойствам» [8, с. 19].

В то же время предложения с *едва ли* и *едва ли не* не составляют смысловой коррелятивной пары, поскольку противопоставлены друг другу несимметрично. Несоотносительны по значению и сами эти частицы: *едва ли не* ≠ «*едва ли* + НЕ». Частица *едва ли не* тяготеет к членам предложения, выраженным именами, относительно редко встречается в присказуемой позиции и обычно оформляет отношения квалификации, реализующиеся в рамках словосочетания и не затрагивающие непосредственно сферу предикативных отношений предложения. В предложениях с частицами *чуть ли не*, *едва ли не* подчеркивается высокая степень сходства, близости, подобия двух явлений, при этом говорящему достоверно известно, что в действительности «имеет место не-*P*»: *едва ли не (чуть ли не) курятник* = «не курятник, но что-то очень напоминающее курятник», «нечто вроде курятника». Таким образом, *едва ли P* = «по всей вероятности, не-*P*»; *едва ли не P* = «почти что *P*».

Итак, сомнение как частная модификация семантики предположения составляет периферию предположительной модальности и относится к категории смыслов, смежных с полным, сопряженным с уверенностью, отрицанием. Это значение, предельно близкое к «обратной констатации», балансирующее на стыке разных типов модальности и типов иллокуции. Сомнение относится к тем типам речевых актов, конечной целью которых является реализация отрицания как негативной оценки реальности того, что обозначено структурой предложения.

Отрицание в конструкциях с показателями сомнения – явление глубинно-семантического уровня высказывания. В основе этого явления – тесное взаимодействие категории утверждения/отрицания и того аспекта модальных отношений, который принято называть субъективной (предположительной) модальностью.

В рамках оппозиции «слабое утверждение/слабое отрицание» сомнению противостоит собственно предположение (прямое предположение). Эти типы конструкций имеют ряд принципиальных отличий как в характере их пропозиционального содержания, так и в характере его оценки говорящим и противопоставлены друг другу в первую очередь в сфере модально-оценочных смыслов категории утверждения/отрицания – как положительная (предположение) и отрицательная (сомнение) оценки вероятности того, что изображается в предложении.

Список литературы

1. **Есперсен, О.** Философия грамматики / О. Есперсен – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.
2. **Шендельс, Е. И.** Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) : ученые записки / Е. И. Шендельс ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М. : МГПИИЯ, 1959. – Т. XIX. – С. 125–142.
3. **Нагорный, И. А.** Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения/отрицания / И. А. Нагорный // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М., 1995. – С. 31–41.
4. **Нагорный, И. А.** Семантика частиц *едва ли, вряд ли* / И. А. Нагорный // Русский язык в школе. – 1993. – № 2. – С. 93–97.
5. **Степенкова, Л. И.** Частицы со значением предположительности / Л. И. Степенкова // Русский язык. Теория и методика преподавания : сб. ст. – Душанбе, 1979. – С. 42–49.
6. Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
7. **Буглак, С. И.** О разграничении модальных слов и частиц / С. И. Буглак // Русский язык в школе. – 1985. – № 4. – С. 100–104.
8. **Баранов, А. Н.** Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
9. **Бабайцева, В. В.** Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
10. **Калинина, А. А.** Категория утверждения/отрицания в свете теории переходности / А. А. Калинина // Языковая деятельность: переходность и синкретизм : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». – Вып. 7. – М. ; Ставрополь, 2001. – С. 172–175.

Калинина Алевтина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского и общего языкознания,
Марийский государственный
университет (г. Йошкар-Ола)

E-mail: kalinina.07@inbox.ru

Kalinina Alevtina Anatolyevna
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Russian and general linguistics,
Mari El State University (Yoshkar Ola)

УДК 81.37

Калинина, А. А.

Сомнение в системе значений утверждения/отрицания / А. А. Калинина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 106–114.